

О специфике грамматического выражения категории одушевленности-неодушевленности в падежных формах дагестанских языков (на материале ботлихского, рутульского и цахурского языков)

При исследовании падежных форм рутульского, цахурского и ботлихского языков обращает на себя внимание факт грамматического выражения в них категории одушевленности-неодушевленности, что не является нормой для дагестанских языков с распределением имен по лексико-грамматическим классам, в основе которого предполагается принцип противопоставления названий человека всем остальным названиям. Это позволяет некоторым исследователям предполагать, что в дагестанских языках отсутствует лексико-грамматическая категория одушевленности-неодушевленности, что она заменяется категорией разумности-неразумности. Утверждение это верно не для всех дагестанских языков, о чем свидетельствует приведенный ниже материал.

Анализ склоняемых форм рутульского, цахурского и ботлихского языков и результаты научного поиска предшествующих исследователей указывают на грамматическую выраженность в них и категории одушевленности-неодушевленности, и категории разумности-неразумности.

Так, в рутульском языке при склонении одушевленных имен существительных множественного числа в косвенных падежах появляется вставочный элемент **-ш-**, при склонении же неодушевленных имен – вставочный элемент **-м-**:

Номинатив	<i>инсанар</i> «люди»	<i>масбыр</i> «стены»
Эргатив	<i>инсана-ш-е</i>	<i>масал-м-ыра</i> и т.д.

В других дагестанских языках, как правило, при склонении во множественном числе имена существительные либо изменяются по единой схеме, либо (в редких случаях) распределяются на группы в соответствии с категорией разумности-неразумности. Но явления, аналогичные описанным

нами в рутульском языке, наблюдаются и в ботлихском языке, в котором существительные во множественном числе организованы по принципу противопоставления названий одушевленных предметов названиям неодушевленных предметов. [Т.Е. Гудава, с. 295].

При склонении имен существительных в единственном числе грамматические показатели одушевленности-неодушевленности не выявляются. Но один из диалектов рутульского языка – ихрекский – проявляет своеобразие в отношении исследуемой категории: так при склонении форма родительного падежа одушевленных имен присоединяет аффикс *-vɔ* (*диd-ыd* «отца», *нин-ыd* «матери»), форма неодушевленных имен – аффикс *-ɔv* (*хал-ды* «дома»). В других ареальных единицах рутульского языка формантами генитива также служат *-ɔv*, *-vɔ*, но их применение не мотивировано категорией одушевленности-неодушевленности.

Употребление некоторых местных падежей в исследуемых языках также регламентируется категорией одушевленности-неодушевленности: в цахурском языке аффиктив характерен только для одушевленных имен, а серия местных падежей на *-v/-vv* – только для неодушевленных имен. [Ибрагимов Г.Х., с. 69-70]. Аналогичная ситуация сложилась и в рутульском языке: падежи 1-й серии (совпадающий формально инэссив/инлатив и инаблатив) характерны только для неодушевленных существительных.

Примеры, приведенные выше, демонстрируют своеобразие ботлихского, рутульского и цахурского языков в отношении грамматического выражения категории одушевленности-неодушевленности, не свойственной для других дагестанских языков.

Литература:

Гудава Т.Е. Языки народов СССР. Том 4. – М., 1967.

Ибрагимов Г.Х. Цахурский язык. - М., 1990.